

УДК 32

Артамонова Ю.Д.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

ФИГУРА АВТОРА И ПОНИМАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Аннотация. Статья посвящена подходам к анализу текста, в том числе и политического. Отдельно рассматривается трактовка текста как взгляд на мир конкретного человека в конкретной исторической ситуации. Анализируются предыстория и основания такой трактовки, её критика и трансформации в XX в., а также тенденции толкования политического текста сегодня. Делается вывод об актуальности проблемы партикулярности роли автора политического текста, объективности смысла в феноменологии как механизма трансляции этого смысла. *Ключевые слова:* автор, авторство, текст, истина, идея, смысл, культура, пропаганда, идейная борьба, идеолог, дискурс.

Yu. Artamonova

*Lomonosov Moscow State University,
119991, Moscow, Leninskiye Gory, 1, Russian Federation*

AUTHOR'S FIGURE AND POLITICAL TEXT INTERPRETATION

Abstract. The article is devoted to the analysis of approaches to the text analyzing, including a political one. The interpretation of a text as a particular person's world view in a particular historical situation is being separately considered. The background and the basis for such interpretation are analyzed. Besides, its critique and transformation in the XX century, as well as the current trends of political text interpretation are discussed. The conclusion is made about the relevance of the problem of the role of the author's political particularity, as well as of the objective sense of phenomenology as a mechanism which broadcast this sense.

Key words: author, authorship, text, truth, idea, meaning, culture, propaganda, ideological struggle, ideologist, discourse.

При анализе политических текстов часто срабатывает подход трактовать текст как взгляды на мир конкретного автора, жившего в определённую эпоху. На самом деле он имеет очень короткую историю: появляется ближе к XV в., определяет собой подход к культуре в XIX в. и проблематизируется в XX в. Не все тексты поддаются анализу на этом пути. Поэтому, прежде всего, необходимо выявить, какие основания имеет эта интеллектуальная привычка (и это позволит понять и область её применимости, и её ограниченность), затем систематически представить критические аргумен-

ты против неё, выдвинутые в XX в., а также посмотреть, какую методологическую роль понятие «автор» может играть в современных политических исследованиях.

Архаическое сознание называет автором того, «кто полномочен и правомочен» [1] – богов, приводящих нечто в бытие или укрепляющих уже существующее, самодержцев, причастных божественной инициативе, просто граждан, «умножающих» и «учреждающих». Следы этой привычки в языке встречаются до сих пор; например, мы говорим: законы Ликурга, прекрасно понимая, что они менялись на протяжении истории. В таком понимании авторство отождествляется с авторитетом (от лат. *auctoritas* – свойство действующего субъекта), как приведшим нечто в мир и поручившимся за это. Автором является заложивший традицию, пишущие же в её рамках являются «осуществлением» первого и единственного автора. В «Притчах Соломоновых» Соломону приписана лишь часть из них, однако другие указанные в тексте создатели – Агур, сын Изекеев, Лемуил и др. для архаического сознания не являются авторами. Отсюда – практика свободного дописывания и исправления текстов более поздними переписчиками под тем же именем, объединение под именем одного автора круга создателей текстов.

Возникшая в недрах греческой культуры идея игры с истиной («истиной можно играть и над истиной можно смеяться, можно из каких бы то ни было соображений переворачивать истину, но опровергать и отрицать истину, строго говоря, нельзя, потому что тут, в рамках такого типа культуры всегда совершенно твёрдо известно, что *есть* истина и что есть *истина*, а вместе с тем всё истинное ещё и морально-положительно...» [9]) позволяет увидеть особый мир языка, делает возможным спор, состязание – кто лучше даст истине с-казать-ся – и даёт свободу персонального вмешательства в жанр. Тем самым делается шаг к разделению автора и авторитета. Однако ключевой остаётся идея объективного смысла, который надо извлечь. Фигура автора не помогает в этом.

В это время формируется подход к тексту, который будет применяться в европейской культуре довольно долго. В общем виде он будет выглядеть так: толкование текста необходимо начинать с поиска «общих мест» – некоторых очевидных истин, понятных всем; благодаря этому выделить непонятные («тёмные») места; затем понять тёмные места буквально, выяснив значения слов, а затем – как недостающие звенья в цепочке размышления, где общие места представляют уже известные элементы.

В эпоху Возрождения возникает методологический ход, позволяющий появиться универсальной идее текста и автора. Каждая вещь имеет свой закон, своё собственное предназначение относительно божественных истин; человек – тоже. Именно это, а также степень его добронравия, послуш-

ности этим вечным и превосходящим человека истинам определяет особость его высказывания о мире. Так появляется возможность «уравнять в правах» христианских и античных авторов («возродить золотую латынь»); рассуждения об этом обычно следуют такой логике: если авторы-язычники были добры и в душе были христианами, то могли высказать то, чего нет пока у христианских авторов. «Ключом» к толкованию текста становится «автор» как «гарант» языкового и стиливого единства текста [5], возможности проведения его границ. Понятие «текст», которое, хотя и введено ещё Юстинианом, применялось до этого времени только к сводам законов и музыкальным партитурам, начинает применяться ко всем текстам. Именно в это время появляется правило «прочти текст от начала до конца», раньше тексты не писались и не читались в таком модусе. Вспомним замечательный пример П.М. Бицилли, который предложил поставить в один ряд произведения, которые отделяют друг от друга полтора века – «Декамерон» – «Дон Кихот» – любой роман воспитания XVIII в. [3]. Первый читать последовательно невозможно, да он и воспринимался как сборник обособленных новелл. Второй мы тоже помним эпизодами (про мельницы, губернаторство и т.д.) – но там появляется общая канва, связывающая эти эпизоды. Третий читать фрагментами сложно – мы упустим ключевые вещи. Именно наличие автора делает текст целостным, даёт возможность отличить его от других, понять его особый замысел, который и будет ключом к тексту. Появляются зачатки грамматической и исторической критики. Именно в этом ключе Лоренцо Валла, например, осуществит критику Константинова дара. Документ, на основании которого католическая церковь выдвигала, в том числе, территориальные притязания, итальянский гуманист впервые предлагает читать именно как текст Константина. И находит места, противоречащие логике – непонятен замысел Константина, лишаящего своих детей наследства и обрекающего свою империю на страдания, передавая власть Папе, сведущему, конечно, в делах духовных, но не военных, административных и т.д. Непонятно также, замечает Лоренцо Валла, почему Константин местами говорит на золотой, а местами – на кухонной латыни; единственный автор не мог так делать – значит, вмешательство установлено, и юридически документ недействителен. Появившиеся тогда «имена авторов» – т.е. атрибуция произведений («Рафаэль рисовал») «направляют» понимание – ведь, зная автора, легче понять, о чём и как данный текст говорит. Автор должен быть добр и умён, только в этом случае его сообщение о мире может быть полезным. Автор политического текста в это время воспринимается как тонкий наблюдатель, подметивший то, что другие пока не увидели и не поняли, однако благодаря автору увидят и поймут, текст говорит о том, что может быть понято другими; достаточно вспомнить, как оза-

главил свою книгу Т. Мор – «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия».

В конце XVIII в. возникает идея мировоззрения (неологизм И. Канта) как некоторой сетки, через которую видится мир, как реконструкции мира с определённой точки зрения (термин лейбницианской школы). Текст становится закреплённым в языке мировоззрением своего создателя – автора. Понятие «автор» в XIX в. уточняется до индивидуального, неповторимого и ни к чему несводимого способа видения мира (что не исключает возможность понимания его через всё другое) [8]. Именно фигура автора становится центральной в толковании текста. Авторитет начинает трактоваться как покушение на свободу мышления. Появляются мотивы уникальности автора, его непонятности и творческого одиночества. Психологическая интерпретация выходит на первый план. Однако не стоит забывать, что она всегда будет дополняться и «исторической справкой» о тех реалиях, в которых творил автор. Ведь авторский взгляд – это особое конструирование мира. При всей банальности этого тезиса он не был востребован практически до XIX в. – текст был выражением общих смыслов, учителем жизни, но только не отражением реалий. Не забудем, что при постоянном присутствии текстов Гомера в европейской культуре только в XIX в. к ним отнеслись как к источнику географических сведений.

Именно в это время автор начинает пониматься как трибун и идеолог – создатель и пропагандист идей, представляющих определённую, исторически обусловленную картину мира. Он выразитель взгляда на мир определённой группы, и эти взгляды могут быть полны искажений, а могут быть более правильными. Поэтому автор должен быть «объяснён» и «разоблачён». И либо никто не может претендовать на правильность суждений – все по-своему неправы (идея похлопывания автора по плечу, своеобразного идейного «равенства» возникает тогда же), либо есть оракул абсолютной истины. Возникает и так называемая идейная борьба – феномен, отсчитывающий свою историю с XVIII в.

Однако эти положения довольно быстро были оспорены. Действительно, текст можно воспринимать, не зная, кто его автор. Текст, не претендуя на абсолютность, может, тем не менее, говорить важное и значимое для читателя; идея же диалога провоцирует бесконечное обсуждение, а возможность выявить истину каждый раз обосновывается и оспаривается одинаково успешно. Наконец, в рамках такой постановки вопроса сама преемственность культуры тоже проблематизируется (действительно, на чём основывается уверенность, что транслируются одни и те же смыслы, если каждый их ретранслятор своеобразен?). Реальные проблемы, вставшие в связи с понятиями предания, традиции и диалога (говорит ли нам

что-то предшествующая культура, как и почему говорит, как историческое существо может понимать историю) приводят к новой постановке вопроса о смыслах.

Подтолкнули к этой новой постановке вопроса и исторические реалии. Трагедия Первой мировой войны, когда цивилизованный человек очень быстро забывает о своей «культурности» и идёт убивать себе подобных, заставила искать основания культуры не в техниках воспитания и образования, а в «неотменимом» индивидуальном опыте понимания. Не случайно более чуткая к настроениям общества литература вводит повествование – экспозицию внутреннего мира, из которой мы получаем информацию о мире внешнем (Д. Джойс, Ф. Кафка, Дж. Оруэлл и др.).

Уже не способ внедрения в чуждый объект, а попытка человека понять себя в мире, с которым он связан изначально, становятся исходным пунктом анализа. Текст становится «абстракцией фазы свершения понимания» [6], и в зависимости от трактовки возможности понимания и рождаются разные интерпретации авторства.

Признание системы связей, несущей на себе истину сказанного и ругающейся за неё позволяет вести разговор об исторических и психологических (связанных с автором) условиях предпонимания, уточняющих смысл, существующий в произведении как ядро, оболочкой которого и будут условия порождения текста. Именно понимание общего и объективного смысла и делает человека личностью, действующей ответственно, без этого понимания он – один из массы [см.: 10]. При этом аппарата анализа массового сознания в рамках такой стратегии не предлагается; массовое сознание – действие общественных зомби.

Последовательное признание обезличенности импульсов мира возможностей (например, в структурализме) делает понятие авторства излишним. Анализ может концентрироваться вокруг прочерчивания данного пути в бесконечной схеме возможностей. Тезис о принципиальной неповторимости процесса создания текста (единства, системы связей можно распутывать, протягивать во всех направлениях, но расшифровывать нечего, потому что нельзя достичь основы) порождает тезис о смерти автора, которой надо заплатить за рождение читателя [2], т.е. за его другое движение в этом поле (постструктурализм). Здесь конструктом без оснований становится абсолютно всё, и всё может быть деконструировано и переконструировано до бесконечности. Здесь вновь вступают в игру техники подозрения и разоблачения, как в XIX в. – но уже в статусе возможного, но не единственного проекта [7].

Идея же редкости высказываний (высказывания всегда в дефиците по отношению к тому, что может быть высказано, поле формулировок не наполнено и поэтому интересно изучение того, что позволяет высказываниям быть

именно такими, в отличие от всех остальных и лакун, пустот, существующих в силу именно такого формирования высказывания) приводит к пониманию идеи авторства как одной из определяющих высказывания и, следовательно, направляющей в формировании поля высказываний данной культуры. Поскольку мы, во-первых, различаем тексты в культуре и, во-вторых, не можем миновать «знаковость» – т.е. не имеем стратегии «незнакового высказывания», то идея границы текста как методологический регулятив культуры сохраняется [12] – следовательно, остаётся идея авторства, действительным содержанием которой и является обозначение «особости» текста. В рамках теории дискурса предлагается целостный аппарат такого анализа высказываний [11]. И кто же он теперь – автор политического текста? Партикулярность его остаётся – даже признание объективности смысла в феноменологии требует индивидуальной сопричастности этому смыслу, собственного опыта понимания – другого механизма трансляции этого смысла нет. В большинстве же теорий речь идёт о смысле как особом проекте, к которому мы можем отнестись как нам угодно. И даже разделяемость проекта многими означает его действительность здесь и сейчас, и не более того. Ж. Бодрийяр отметил: «Для производителей смысла такое во всех отношениях далёкое от истины предположение, конечно, удобно – предоставленные сами себе, массы якобы всё же стремятся к естественному свету разума. В действительности, однако, всё обстоит как раз наоборот <...> Они чувствуют, что за полной гегемонией смысла стоит террор схематизации, и, насколько могут, сопротивляются ему, переводя все артикулированные дискурсы в плоскость иррационального и бесосновного, туда, где никакие знаки смыслом уже не обладают и где любой из них тратит свои силы на то, чтобы завораживать и околдовывать, – в плоскость зрелищного» [4, с. 15]. В результате не сами смыслы, а именно техники их продвижения выходят на первый план.

Литература:

1. Аверинцев С.С. Авторство и авторитет // Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 76–100.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
3. Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры. М. 1996. 276 с.
4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург. 2000. 32 с.
5. Валла Лоренцо. Рассуждение о подложности так называемой дарственной грамоты Константина // Итальянские гуманисты о церкви и религии. М., 1963. С. 139–216.
6. Гадамер Х.Г. Текст и интерпретация // Герменевтика и деконструкция / под ред. Штегмайера В., Маркова Б.В. СПб. 1999. С. 202–242.

7. Деррида. Позиции / пер. с фр. В.В. Бибихина. М.: Академический проект, 2007. 160 с.

8. Дильтей В. наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 135–152.

9. Михайлов А.В. Античность как идеал и культурная реальность XVIII–XIX веков // Античность как тип культуры. М., 1989. С. 308–324.

10. Сартр Ж.П. Что такое литература? СПб: Алетейя, 2000. 466 с.

11. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине. По ту сторону власти, знания и сексуальности. М., 1996. С. 48–95.

12. Фуко М. Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине. По ту сторону власти, знания и сексуальности. М., 1996. С. 3–47.

References:

1. Averintsev S.S. *Avtorstvo i avtoritet* [Authorship and Authority] // *Ritorika i istoki evropeiskoi literaturnoi traditsii* [Rhetoric and the Origins of European Literary Tradition]. М., 1996, pp. 76–100.

2. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika: per. s fr. / sost., obshch. red. i vstup. st. G.K. Kosikova* [Selected Works: Semiotics: Poetics: Trans. from Fr.]. М., Progress, 1989. 616 p.

3. Bitsilli P.M. *Mesto Renessansa v istorii kul'tury* [Place of the Renaissance in the History of Culture]. М., 1996. 276 p.

4. Bodriiyyar Zh. *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo* [In the Shadow of Silent Majority, or the End of Social]. Ekaterinburg, 2000. 32 p.

5. Valla Lorentso. *Rassuzhdenie o podlozhnosti tak nazyvaemoi darstvennoi gramoty Konstantina* [Discussion on the Forgery of the So-Called Constantine's Charter of Donation] // *Ital'yanskie gumanisty o tserkvi i religii* [Italian Humanists on the Church and Religion]. М., 1963, pp. 139–216.

6. Gadamer Kh.G. *Tekst i interpretatsiya* [Text and Interpretation] // *Germenevtika i dekonstruktsiya / pod red. Shtegmaiera V., Markova B.V.* [Hermeneutics and Deconstruction / ed. by Stegmaier V., Markova B.V.]. SPb., 1999, pp. 202–242.

7. Derrida. *Pozitsii / per. s fr. V.V. Bibikhina* [Position / trans. from Fr. By V. Bibihin]. М., Akademicheskii projekt, 2007. 160 p.

8. Dil'tei V. *Nabroski k kritike istoricheskogo razuma* [Outline of the Critique of Historical Reason] // *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1988, no. 4, pp. 135–152.

9. Mikhailov A.V. *Antichnost' kak ideal i kul'turnaya real'nost' XVIII–XIX vekov* [Antiquity as an Ideal and Cultural Reality of the XVIII–XIX Centuries] *Antichnost' kak tip kul'tury* [Antiquity as a Type of Culture]. М., 1989, pp. 308–324.

10. Sartr Zh.P. *Chto takoe literatura?* [What is Literature?]. SPb, Aleteia, 2000. 466 p.

11. Fuko M. *Poryadok diskursa* [The Order of Discourse] // Fuko M. *Volya k istine. Po tu storonu vlasti, znaniya i seksual'nosti* [The Will to truth. On the Other Side of Power, Knowledge and Sexuality]. М., 1996, pp. 48–95.

12. Fuko M. *Chto takoe avtor?* [What is the Author?] // Fuko M. *Volya k istine. Po tu storonu vlasti, znaniya i seksual'nosti* [The Will to Truth. On the Other Side of Power, Knowledge and Sexuality]. М., 1996, pp. 3–47.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Артамонова Юлия Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и теории политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: juliaartamonova@yahoo.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Артамонова Ю.Д. Фигура автора и понимание политического текста // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artamonova Yulia D. – PhD of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: juliaartamonova@yahoo.com

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Artamonova Yu.D. Authorial figure and political text interpretation // Bulletin of Moscow Region State University (e-journal), 2016, no. 4. URL: www.evestnik-mgou.ru